

Глава 5

Чжун Цай проснулся лишь на следующее утро.

Окружающая обстановка поначалу показалась ему чужой, но память быстро услужила: он ведь теперь «замужем» за У Шаоцянем и спит в его постели. Стоило этой мысли оформиться, как Цай, преодолевая ломоту в теле, с трудом перевернулся на бок и наткнулся на взгляд соседа.

Тот уже не спал и лежал, повернувшись к нему.

Некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза. Чжун Цай, вновь вспомнив вчерашнее, не удержался от ревнивого взгляда и проворчал:

— Ну и ну, Старина У... явно я тебя недооценивал. Твоя немощ никак не сказалась на твоих... способностях. — Он болезненно поморщился, пытаясь сменить позу. — Я ведь на четвёртом уровне Сферы Небесного Притяжения, плоть и кости закалены как надо, а ты умудрился довести меня до ломоты в пояснице и слабости в ногах. Поверить не могу.

У Шаоцянь, который всё утро терзался сомнениями и гадал, стоит ли извиняться за свою вчерашнюю несдержанность, вновь оказался в тупике. Он только собрался сказать что-нибудь мягкое, как друг своим ворчанием выбил у него почву из-под ног.

Они уставились друг на друга, и в комнате повисла неловкая тишина.

Вчера они были названными братьями, а сегодня делили одно одеяло. Даже понимая, что всё это ради спасения жизни, оба чувствовали себя... странно.

Впрочем, Чжун Цай по натуре был отходчивым. Махнув рукой, мол, дело прошлое, он принялся внимательно разглядывать друга. У Шаоцянь, понимая его беспокойство, безропотно подставился под этот осмотр.

Цай долго хмурился, даже потрогал его лицо, и наконец облегчённо выдохнул:

— Выглядишь бодрячком. И лихорадка прошла. Кажется, худшее позади. Ты, паршивец, меня до смерти напугал!

В сердце Шаоцяня разлилось тепло. Он шутливо щелкнул Цая по лбу. Тот немедленно ответил тем же, а затем расплылся в улыбке:

— Силы в руках тоже прибавилось. Идёшь на поправку!

Это была их старая игра. Когда-то давно именно маленький Чжун Цай начал задира́ть юного гения, и Шаоцяню потребовалось немало времени, чтобы отбросить напускную важность и начать «мстить» обидчику.

Сейчас, повторяя эти привычные жесты, они оба без слов понимали друг друга: всё останется как прежде. Почти всё.

Если не считать того, что оба по-прежнему лежали в постели совершенно нагими.

***

Вставать Чжун Цай не спешил. Потянувшись к подушке, он выудил несколько принесённых с собой сумок из горчичного семени и начал по одной демонстрировать их Шаоцяню.

— Это моё приданое, а заодно и те дары, что твоя семья прислала за «невесту» — я их тоже себе вытребовал. Раз уж нам теперь жить вместе, я решил собрать побольше добра в семейный скарб. Посмотри, чтобы хоть примерно представлять, чем мы владеем.

У Шаоцянь не стал ломаться и быстро просмотрел содержимое сумок.

— И что из этого — дары семьи У? — спросил он.

Чжун Цай изумился:

— Ты не знаешь? — Впрочем, вспомнив вчерашний «торжественный» приём, он лишь сердито насупился и что-то невнятно пробурчал. Судя по тону, слова были отнюдь не лестными.

У Шаоцянь, напротив, остался совершенно спокоен. Сверившись со списком даров, он кивнул:

— Общая стоимость — чуть больше пятисот тысяч золотых. Неплохо.

— Почему так мало? — удивился Цай.

— Видишь ли, — принялся объяснять Шаоцянь, — в семье У размер даров и приданого напрямую зависит от способностей детей. За Низший ранг дают пятьдесят тысяч, за Жёлтый — сто, за Тайнственный — двести, за Земной — триста, а за Небесный — пятьсот. Кроме того, если к моменту брака ребёнок достигает Сферы Открытия Дворца, добавляют ещё от ста до трёхсот тысяч. За Сферу Освящения полагается ещё полмиллиона. Плюс то, что выделяют родители от себя — прямым наследникам больше, талантливым побочным ветвям — тоже неплохо.

Чжун Цая осенило:

— Значит, за тебя должны были выложить минимум миллион? Но раз ты в таком состоянии, они урезали сумму вдвое?

Видя, что друг искренне сопереживает ему, но при этом не скатывается в излишнюю жалость, Шаоцянь почувствовал себя уютнее.

— Верно. По правилам мне не полагалось и этого, но бывшие заслуги чего-то да стоят. Выделив такую сумму, они и лицо сохранили перед внешним миром, и «невесту» утешили.

Чжун Цай принялся подсчитывать:

— У меня на руках сейчас двестиббдесят тысяч золотом. Двести отложим в «неприкосновенный запас», а шестьдесят пустим на текущие расходы. Все полезные ресурсы для практики я уже выменял из сокровищницы Чжунов. Ещё привёз кучу укрепляющих и обезболивающих снадобий. Прикажу слуге, который умеет готовить, чтобы каждый день варил тебе лечебные отвары. Ах да! Сначала сам глянь, что тебе подходит, лекарства — дело тонкое... И ещё, те звериные пилюли высокого ранга, что ты мне раньше дарил... Нам они сейчас не по уровню, так что, если прижмёт, можем их толкнуть и пополнить бюджет...

Слушая это деловитое ворчание, Шаоцянь ощущал, как на душе становится всё спокойнее.

Когда Цай закончил загибать пальцы, Шаоцянь, отбирая нужные ему травы, начал посвящать друга в их текущие дела.

— В нашей семье каждый глава занимает самый большой сад в поместье. Мой отец назвал его «Садом Чунсяо». С самого рождения, как только у меня обнаружили Небесный ранг, меня поселили во Дворе Юньтэн, который лишь немногим уступал главным покоям. Но теперь, когда я лишился сил, я не могу там оставаться. По правилам семьи меня перевели в самый скромный домик на окраине Сада Чунсяо. Таких дворишков здесь несколько, наш находится на востоке. Место здесь глухое, соседей нет, так что мешать нам никто не будет.

В его голосе прозвучало извинение. Когда-то он планировал, что привезёт Чжун Цая в семью У как своего самого почётного гостя, под защитой своей великой силы. Он и подумать не мог, что их первая совместная жизнь в этом доме начнётся с такого упадка.

Цай, разгадавший его мысли, лишь фыркнул. Его нынешнее положение было куда лучше того, что он рисовал в своих самых мрачных прогнозах.

— Да брось ты. В тишине даже лучше — не придётся общаться с теми, кто мне не нравится. — Он скривился, не скрывая неприязни. — Меня бесят все, кто плохо к тебе относится.

Шаоцянь слабо улынулся.

— С тех пор как я очнулся, я не выходил из комнаты. Кроме Сян Линя, который связан клятвой смерти, я не знаю, остался ли ещё кто-то из верных мне слуг. Но даже если нет, по закону нам выделяют двоих для чёрной работы. Вещи из моей старой комнаты перевезли сюда, и сумки из горчичного семени тоже не отобрали. — Он выудил сумку из груды одежды и протянул её Цяю. — Весь мой скарб здесь. Раньше я не особо следил за порядком в вещах, так что теперь всё это в твоём распоряжении.

Чжун Цай без лишних церемоний принял сумку.

У самого Цая было четыре сумки из горчичного семени — простенькие, Низшего ранга. Самая маленькая была объёмом всего в один кубометр. Ту, что он носил с собой, когда-то подарил ему Шаоцянь: она была самой вместительной, на десять кубов — размером с небольшую комнату. Те сумки, что дала третья ветвь семьи Чжун в качестве компенсации, были крохотными — едва ли в один кубический метр каждая.

Сумка же Шаоцяня, из фиолетового шёлка, была Высшего ранга — каждая её секция вмещала по сто кубометров пространства.

***

Чжун Цай принялся за осмотр, засыпая друга вопросами. Шаоцянь отвечал на всё честно и подробно.

Первым делом в глаза бросились три огромных сундука, доверху набитых золотом — в каждом по миллиону монет. Сверху лежал ларец, в котором поблескивали семьдесят восемь сюаньчжу — таинственных жемчужин. Эти драгоценности были необходимы лишь практикам Сферы Подвешенного Сияния: они служили и валютой, и ценнейшим ресурсом. Каждая такая жемчужина стоила десять тысяч золотых. Учитывая, с какой скоростью раньше рос Шаоцянь, было вполне естественно, что он заранее запасся такими вещами.

Далее шли пятнадцать деревянных стеллажей по сто ячеек в каждом. Три из них были забиты редкими травами: первого и второго рангов было в достатке, третьего — совсем чуть-чуть. На двух других хранились иные ценности, в основном второго ранга. Один стеллаж занимали материалы для ковки: в основном металлы, близкие к третьему рангу, и пять видов чистого третьего ранга — очевидно, заготовки для стрел, которые Шаоцянь планировал делать в Сфере Освящения. Три стеллажа были заняты мясом зверей второго и третьего рангов — для пропитания. Ещё три — кровью зверей второго ранга для закалки тела. Последний стеллаж был отдан под всякую всячину: звериные пилюли, несколько луков второго и третьего рангов, иное мистическое оружие, снадобья... И отдельный ларец с письмами, которые Чжун Цай писал Шаоцяню все эти годы. У самого Цая дома хранился точно такой же ларец с ответами друга.

Кроме того, в сумке нашлись пара пустых стеллажей, шкафы с одеждой, десятки коробок с

украшениями, поясами и заколками, а в углу сиротливо ютились десяток простых сумок из горчичного семени и одна синяя — среднего ранга, на пятьдесят кубов.

***

Закончив осмотр, Чжун Цай восторженно выдохнул:

— Да ты богат!

У Шаоцянь мягко ответил:

— И в этом твоя заслуга.

— Моя? — Цай недоуменно моргнул.

— Помнишь, когда мы выбирались погулять, ты вечно собирал каждую полезную травинку? — признался Шаоцянь. — Глядя на то, как усердно ты копишь ресурсы, я тоже решил, что не стоит сорить деньгами направо и налево. Стал понемногу откладывать. Жаль, что я не занимался этим всерьёз, да и начал всего пару лет назад, иначе добра было бы куда больше. — Он просто хотел быть ближе к другу, иметь общие темы для разговора, но кто знал, что эта случайная привычка станет их опорой в будущем.

Чжун Цай расхохотался.

Он вспомнил: этот гений прорывался сквозь уровни с невероятной скоростью, и с каждым годом они забирались всё глубже в леса. Чем глубже в чащу, тем опаснее звери, и Шаоцяню постоянно приходилось их умирять. Пока тот сражался, Цай неподалёку собирал редкие травы. Когда со зверем было покончено, Шаоцянь вечно порывался выбросить то, что ему не нужно, а Цай в ужасе его останавливал и забирал всё себе. Даже со своими жалкими способностями Цай развивался быстрее многих именно благодаря щедрости друга... Кто бы мог подумать, что и Шаоцянь научился у него копить!

Теперь их общее состояние хоть и не шло в сравнение с богатствами мастеров Сферы Освящения, но для Сфер Небесного Притяжения и Открытия Дворца они были по-настоящему богаты. О режиме жесткой экономии можно было забыть.

Чжун Цай облегчённо выдохнул. Его вечный страх остаться без средств был вызван опасением, что родители Шаоцяня обернут сына до нитки — и это не было пустой тревогой. В семье Чжун такое случалось сплошь и рядом: стоило кому-то из молодых людей лишиться сил, как любящие папаши и мамы тут же выгребали все его накопления, чтобы раздать «более достойным» братьям и сестрам под предлогом «справедливого распределения». Особо бессердечные ещё и требовали вернуть всё, что было потрачено на обучение калеки... И это при том, что семья и так выделяла содержание по закону.

К счастью, глава семьи У и его супруга, при всей своей холодности, не опустились до грабежа собственного сына. Возможно, они поспешили избавиться от него из-за глубокого разочарования, но лишать его личных сбережений не стали. В этот миг в них даже проснулось что-то человеческое.

А раз не тронул глава, то и другие не посмели. Иначе, несмотря на все суровые законы семьи У, кто-нибудь обязательно прибрал бы к рукам добро Шаоцяня, пока тот лежал без памяти.

***

Чжун Цай деловито принялся за уборку. Первым делом он переместил все вещи Шаоцяня в синюю сумку среднего ранга. Отобранные лекарства он аккуратно расставил на пустом стеллаже, а свои собственные пожитки переложил из мелких сумок в другую секцию.

Наблюдая за ним, Шаоцянь невольно улыбнулся. Эту синюю сумку он купил совсем недавно и хотел подарить Цаю при их следующей встрече... Что ж, так оно и вышло.

Закончив, Чжун Цай отсчитал десять тысяч золотых, сунул их в фиолетовую сумку и торжественно вручил Шаоцяню:

— На карманные расходы.

Это было настолько непривычно, что Шаоцянь не удержался от смешка. Послушно прицепив сумку к поясу, он кивнул:

— Слушаюсь.

Цай бережно спрятал основную сумку с их имуществом и, хлопнув друга по плечу, весело произнёс:

— Хоть наше воссоединение и вышло боком, я очень рад, что теперь мы одна семья.

Шаоцянь подумал, что «боком» — это ещё мягко сказано, но на душе у него действительно было светло.

— Я тоже рад, А-Цай. От всего сердца.

***

Они проболтали в постели ещё добрых полчаса — казалось, темы для разговоров никогда не иссякнут. Но идиллию прервал стук в дверь.

— Молодой господин Шаоцянь, молодой господин Цай, вы уже проснулись? — донёлся голос управляющего Хэ.

Друзья переглянулись.

— Дядя Хэ, мы сейчас выйдем, — спокойно ответил Шаоцянь.

Чжун Цай раньше был о Хэ Чжоу неплохого мнения, но, зная своего друга, он сразу понял: этот управляющий хоть и близок к Шаоцяню, доверять ему на сто процентов нельзя. Цай хитро прищурился и громко добавил:

— Управляющий Хэ, погодите минутку!

Пока тот ждал, они быстро оделись. Чжун Цай первым распахнул дверь. Хэ Чжоу стоял в паре шагов, его взгляд был мягким, но в нём сквозила затаённая тревога.

Цай отступил в сторону, пропуская Шаоцяня вперёд.

Тот с бесстрастным лицом произнёс:

— Дядя Хэ, мне уже лучше.

***

Прошлой ночью Хэ Чжоу пришлось уйти в спешке, не успев даже толком попрощаться, и он не находил себе места от беспокойства. Долго колеблясь, он всё же решился навестить молодых супругов.

Одного взгляда ему хватило, чтобы сделать выводы: брачная ночь состоялась, и душевные раны Шаоцяня начали затягиваться. Пусть юноша и был холоден, Чжун Цай не выглядел обиженным или подавленным — напротив, он так и лучился энергией.

Управляющий Хэ облегчённо вздохнул и, отвесив обоим вежливый поклон, мягко произнёс:

— Прошу прощения, что вчера не успел преподнести свадебный подарок — боялся пропустить благоприятный час. Вот, примите сегодня.

С этими словами он протянул Шаоцяню простую синюю сумку из горчичного семени.

Тот небрежно принял её:

— Вы слишком добры, дядя Хэ.

Хэ Чжоу ещё раз незаметно оценил состояние Шаоцяня. Убедившись, что тот выглядит вполне здоровым, он повернулся к Чжун Цаю:

— У меня ещё много дел, не буду вас обременять своим присутствием. Молодой господин Цай, если вам что-то понадобится, просто отправьте ко мне слугу. — Он вручил ему нефритовую подвеску в качестве знака.

— Благодарю вас, управляющий Хэ, — с улыбкой ответил Цай.

Тот не стал задерживаться и, ещё раз поклонившись, быстро удалился.

Как только шаги стихли, Шаоцянь передал подарок Цаю.

Заглянув внутрь, Чжун Цай присвистнул — сумка была доверху набита золотом.

— А управляющий Хэ о тебе действительно заботится. Принёс целых десять тысяч, видимо, боялся, что ты остался без гроша. — Он посмотрел на друга. — Он куда милосерднее твоих родителей.

У Шаоцянь покачал головой:

— Дядя Хэ — доверенное лицо моей матери, она привезла его из дома Ян. Когда я родился, вокруг поместья творились чудеса, и мать, вечно занятая своим развитием, поручила ему заботу обо мне. Он и личный страж моего отца приглядывали за мной днём и ночью. Лишь когда мне исполнилось три года и я начал путь практика, они перестали дежурить у моей постели, сменяя друг друга в охране. К девяти годам я превзошёл дядю Хэ в силе, а к одиннадцати — и стража отца. С тех пор они редко появлялись рядом.

Теперь, когда боль в душе утихла, Шаоцянь видел ситуацию предельно ясно.

— Дядя Хэ пришёл сюда, потому что я ему небезразличен. Но когда он вернётся, он доложит матери о каждом моём вздохе, о каждой мелочи, что здесь увидел. Он никогда не ставит чувства выше долга. — Он горько усмехнулся. — А моя мать никогда не станет тратить время на того, кто стал бесполезен.

Чжун Цай всё понял.

Пусть отношения его друга с управляющим были неплохими, и Хэ Чжоу искренне желал Шаоцяню добра, в любом конфликте тот всегда примет сторону госпожи Ян. А раз Ян Цзинфэй была женщиной расчётливой и суровой, Шаоцяню лучше не раскрывать перед управляющим

свою душу. Принимать заботу — можно, отплатить при случае — тоже, но верить до конца — ни в коем случае.

***

Так оно и случилось.

Вскоре Хэ Чжоу предстал перед Ян Цзинфэй. Он подробно доложил ей о состоянии сына, о том, что Шаоцян идёт на поправку. Ян Цзинфэй выслушала его с ледяным спокойствием и лишь коротко бросила:

— Впредь о делах У Шаоцян можешь мне не докладывать. Отрезанный ломоть более не нуждается в моём внимании.

<http://bllate.org/book/15860/1432198>